

Саша Черный Игорь Робинзон

Отец уехал по делам в Париж. Мама с экономкой ушли в соседнее местечко за покупками. Игоря не взяли, - до местечка три километра да обратно три. Жара, он «слабый», он устанет... И на надо! Слабый... А мама не слабая? Вчера по парку и вокруг пруда он километров восемнадцать рысью проскакал. Попробовала бы экономка за ним угнаться... И потом в сарайчике на вытянутой руке жестянку с краской десять секунд держал. Слабый...

Игорь заглянул на кухню, выпросил у кухарки кусок теста, вылепил из него бюст Гоголя и поставил на скамейку сохнуть на солнце. Но пришел индюк, выругался на своем индюшечьем языке, клюнул Игоря в кушак, а Гоголя съел. Дурак надутый!

На лужке за тополями паслась корова. Не очень-то с ней поиграешь в красном галстуке... У тореадора - шпага, а у Игоря только ореховый прут. И теленок ее тоже нелепое создание. Чуть увидит мальчика, сейчас же подойдет боком, защемит губами угол курточки, и давай сосать. Это новую- то курточку!

И вспомнил: у пристани на пруду – лодка. Можно покачаться, половить на английскую булавку рыбу, поднять адмиральский флаг – голубой носовой платок на пруте. Мало ли что можно.

Запрещено одному кататься на лодке. Но сидеть в лодке, когда она на замке и цепочке, - разговора об этом не было...

Побежал- побегал, наискось через парк, сквозь цепкую повилику, колючую ежевику, кусачую крапиву. Продрался к пристани, влез в лодку и стал воду ржавой жестянкой вычерпывать. Флаг поднял, на скамейку газетный лист подстелил – не удобно же адмиралу на мокрой доске сидеть,- сел и давай

лодку раскачивать. Волны справа, волны слева, по тихому пруду зыбь побежала... Зажигательное стекло из кармана вынул и стал сквозь него вдаль смотреть, будто в подзорную трубу: на горизонте тучи, корабль трещит по швам, в парусах штормовой ветер гудит... «Свистать всех наверх!»

И докачался. Цепочка натянулась, вырвала из трухлявого столба крючок и вместе с замком хлопнулась в воду. Овернулся Игорь – пристань в пяти шагах качается – кланяется. До свиданья, адмирал!

Адмирал, однако, не растерялся, схватил со дна весло, еле поднял, хотел за пристань зацепиться – далеко... А легкий ветерок залопотал в тополях вокруг пруда и боком понес лодку на середину прямо к тенистому островку. Игорь веслом в одну сторону поболтал, в другую, весло упрямое, все норовит из уключины выскочить и мальчика рукояткой на скамейке опрокинуть. Бросил весло, притих и стал ждать, куда Бог вынесет. А сердце на весь пруд колотится.

Зашипела над лодкой зеленая лоза, кролики за кустам брызнули: лодка вздрогнула и остановилась. Остров!

Что делает в первые минуты мореплаватель, прибитый бурей к необитаемому острову? Осматривает свое владение. Игорь так и сделал. Со всех сторон вода. Посредине острова резная будка, в будке охапка старого сена. Под кустами можжевельника, у самых корней притаились испуганные кролики, - это их садовник сюда привез. Мальчик измерил остров: в длину двадцать пять шагов, в ширину пятнадцать. Много места, очень много, - чем меньше мальчик, тем просторнее ему кажется клочок земли... А вдруг там, под будкой, клад? Или вход в подземные катакомбы, которые тянутся до самого Парижа? Ай!..

Он побежал к лодке, во поздно. Ведь он же ее не привязал, — вильнула носом и отплыла!..

— Настя!.. Я потерпел кру-ше-ни-е!

Корова на лугу удивленно подняла морду. В парке насмешливо залопотал индюк... Кухня далеко, конечно, Настя не услышит.

Что же делать? Хныкать? Ни за что! Не могут же его здесь забыть надолго - надолго, пока у него не отрастет, как у Робинзона, большая борода... К закату вернутся, родители... хватятся Игоря — ну и как-нибудь догадаются, где он... А если не догадаются? Ночевать в будке, а темноте, без ужина? Чтобы холодный уж под рубашку забрался! Уснуть, конечно, и на дереве можно. В первую ночь Робинзон всегда на дереве спит. Ну, а если он свалится в воду?

— Настя! Я потерпел...

Нет, не стоит кричать. Только индюку удовольствие, - ишь как передразнивает.

Сел Игорь на пенек и задумался. К ногам, сквозь шершавые ветви, подобралась кролика, понюхали пятки. Станный мальчик, ничего им не привез — ни капусты, ни морковки... Игорь очнулся, хотел погладить самого маленького черного. а они опять во все стороны так и дернули. Один серый толстяк так перепугался, что запутался в узловатых корнях и стал задними лапами о землю хлопать...

Прилетела оса. Почему у мальчиков нет крыльев? Минута — и был бы дома... Прилетела и стала вокруг носа Игоря кружиться. И сверху, и сбоку, - он пересел, а она снова и снова, хоть в воду от нее прыгай... Но Игорь догадался, вынул из кармана сладкую конфетную бумажку, положил на пенек, - и оса оставил его в покое.

О! Что такое! На пруду наискось проточного канала струилась полоска воды, точно подводная лодка под самой водой плыла... Все ближе, все ближе к островку. Игорь присмотрелся: крыса. Ага! Значит, садовник прав, они, с мельницы приплывают сюда душить кроликов.

Он ей покажет! Схватил бесстрашно камень да в нее. Второй залп!.. Третий залп! Хитрая тварь быстро спрятало усатое рыльце под воду, и шагах в десяти заструилась обратно полоска к каналу. Удрала...

Ужасно! Вдруг она ночью приведет за собой целую флотилию крыс? Приплывут и обгрызут у сонного Игоря уши. Хорош он будет без ушей...

— Эй, там! Я на острове!..

Ни звука. Теленок подошел к воде, боднул головой тополь и вдруг, задрав пробочником хвост, поскакал, брыкаясь, вдоль ограды парка.

Между островом и парком качается пустая лодка. Тополя кольцом обступили пруд и шелестят высокими вершинами. Хлопья тополевой ваты медленно кружатся над водой. Рыба плеснула хвостом... Вот ведь досада, - английская булавка в лодке осталась! Игорь вздохнул, но успокоился: шука большая, как бы он ее из воды вытянул? Пожалуй, она бы его сама в пруд стянула...

— Настя!

Ах, как тяжело быть Робинзоном! Пошел Игорь в будку и стал придумывать план спасения. Если бы было ружье, он бы выстрелил три раза. Сигнал бедствия! Или, если вверху над прудом покажется аэроплан, - он часто здесь пролетает, - можно будет крикнуть летчику:

— Спуститесь у большого дома за парком и скажите, что я здесь... И что я очень хочу есть!..

Но ни ружья, ни аэроплана не было. Он согрелся на сене, закрыл заплаканные (да, да-заплаканные) и задремал.

И приснилось ему, что из пруда вылез огромный зеленый крокодил, поставил передние лапы на остров и спрашивает у осы: « Эй, ты, жужжалка! А где здесь маленький мальчик? Я сегодня именинник, вот он у меня и пойдет на третье блюдо...» А оса прилипла к конфетной бумажке, рот сладким соком набила и, к счастью, ничего ответить не может. И крокодил стал сердито лаять...

Дернулся Игорь во сне, ударился плечом о косяк и проснулся... Боже мой, да это же пудель садовника лает!

Выбежал Игорь из будки, - в самом деле, на берегу пруда пудель, лохматый, черный друг, смотрит на пустую лодку и взволнованно лает. Увидал мальчика на острове да так и залился визгливой флейтой в собачьей истерике:

— И-и-и! Ай-яй! И!

Ужасно взволновалась собака: как мальчик на остров попал? Почему пустая лодка по воде плавает? Как помочь?

А мальчик руками машет, свистит, зовет.

Бултыхнулся пудель в воду, что тут долго думать, - и поплыл, фыркая, к острову. Лапами загребает, голову вверх задрал.

Приплыл, встряхнулся и прямо к Игорю на грудь. Водой всего обрызгал, в нос лизнул, в ухо лизнул, - радуется. А Игорь и вдвое рад:

— Цезарь! Умница... Ну. теперь я не один на острове, ты у меня вместо Пятницы будешь.

Что за Пятница? Пудель Цезарь ведь Робинзона не читал, откуда же ему знать?

Обшарил Цезарь все углы, кролики глупые под кусты забились, дрожат, не понимают, что умный пудель их обижать не станет.

Что дальше делать? Смотрит собака на лодку, на мальчика, зовет с собой домой.

Да как доберешься? На спину к Цезарю сесть? Нельзя, - мальчик ведь тяжелее собаки.

И придумал Игорь, - беда всему научит. Вырвал из записной книжки стрничку и написал крупными буквами письмо садовнику:

«Шер Жибер! Совэ муа, силь ву пле. Же си сюр лиль!»

(Дорогой, Жибер! Спасите меня, пожалуйста. Я здесь, на острове!)

Показал собаке записку, показал ей на берег и привязал записку над головой пуделя к ошейнику.

— Ступай, ступай в воду! Беги к Жиберу и отдай ему записку...

Пудель понял, взвизгнул, лизнул снова Игоря в губы, - не бойся, мол, все исполню - и в воду, только брызги веером полетели. Доплыл, встряхнулся и исчез в парке.

Старый бельгиец — садовник сначала не понял, в чем дело. Прибежала его собака мокрая, головой в ноги тычется. Увидал он записку, развернул... Буквы корявые, почерк детский... Подписи нет. Какой остров? Кого спасти?.. Пожал плечами и бросил записку в смородину.

Но пудель на этом не успокоился. Тянет Жибера за фартук к пруду... Испугался садовник — ах, Боже мой, не случилось ли с

Игорем беды, собака ведь мокрая... Побежал к пруду за собакой, за ним Настя переваливается, руками всплескивает.

Ах, как Игорь обрадовался...

— Monsieur, Жибер, перевезите меня домой, пожалуйста!

— Да как ты на остров попал?

— Да не знаю, сел в лодку. Лодка меня и привезла...а потом уплыла... Как её теперь достать?

Ну, садовник не глупее пуделя был. Достал из-за кустов вертушку с бечевкой, которой он грядки выравнивал, привязал к веревке камень, бросил в лодку – как раз под скамейку угодил – и притянул лодку осторожно к берегу. Потом уж дело пустое: сел в лодку с пуделем, в три взмаха догреб до острова и доставил

Игоря - Робинзона на берег, прямо к калитке парка.

По дороге пожурил конечно: зачем в лодку сел без спроса? А если б в воду упал?

— Ничего, Monsieur, Жибер. Цезарь бы меня вытащил. Но ведь я же не упал!

Поговори – ка после этого с мальчиком...

Побежал Игорь в дом. Слава Богу, что никто еще не вернулся. Сел за стол и стал из картона большую золотую медаль для пуделя мастерить.

Надпись придумал такую:

«Пуделю Цезарю за спасение погибающего мальчика, который самовольно застрял на острове.

Детский Спасательный Комитет»

ГБОУ ШКОЛА № 1222, Москва

Координатор – Мальнева Е.М.

Учащийся – Баксанский Данила, 5 А